

ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:

ДЕЛО
ВАРНАВИНСКОГО
МАНЬЯКА

ЗАВЕЩАНИЕ
МЯТЕЖНОГО
АВВАКУМА

РОКОВЫЕ
ЧИСЛА

ОХОТА НА ЦАРЯ

ХРОНИКИ СЫСКА

МОСКОВСКИЙ
АПОКАЛИПСИС

ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ
МОРСКОЙ

МЕРТВЫЙ ОСТРОВ

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Мертвый
остров

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 24

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Свечин, Николай.

С 24 Мертвый остров / Николай Свечин. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Детектив Рос-
сийской империи).

ISBN 978-5-04-224544-2

Весна 1889 года. После смерти своего учителя, Павла Афанасьевича Благово, Алексей Лыков отправляется в командировку. В Японии найдены трупы трех беглых русских каторжников, которые по документам по-прежнему числятся заключенными сахалинских тюрем. Есть подозрения, что их побег был организован японской мафией — якудза. Чтобы найти ответы на все вопросы, Лыков отправляется на Сахалин с секретным заданием...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-224544-2

© Свечин Н., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

• 1 •

**КОМАНДИРОВКА
К ЧЕРТУ НА КУЛИЧКИ**

Директор Департамента полиции тайный советник Дурново вызвал к себе коллежского асессора Лыкова. Тот вошел чернее тучи, в глазах — смертная тоска... Застыл посреди кабинета, уставился в пол.

— Садитесь, Алексей Николаевич, — мягко сказал Дурново.

Лыков сел, продолжая смотреть вниз.

— Может, возьмете отпуск? Съездите на месяц куда-нибудь или хоть дома с детьми посидите... Мне кажется, вы сейчас не можете служить.

Лыков настороженно поднял голову.

— Ну, я имел в виду полноценно служить, со всей отдачей... — смешался тайный советник. — Это потом пройдет! Все проходит... Одним словом, предлагаю вам отдохнуть.

Алексей четыре дня назад похоронил своего учителя, фактически второго отца. Павел Афанасьевич Благово так и не оправился от ранения, полученного два года назад на германских водах. Нескончаемые болезни истощили его организм. Вице-директор Департамента полиции был вынужден уйти со службы. Лишившись жалования и казенной квартиры, он поселился на Мойке

возле Почтамтского моста. У Благово оставались деньги после продажи родового имения, да и эмеритальные суммы¹ подкрепили его бюджет. Понимая, что долго не протянет, отставник не стал скопидомничать. Уютно меблировал свои комнаты, курил дорогой табак, пил старые мальвазии. Врачей слушался, но как-то механически. Употреблял лекарства, не манкировал режимом. Про себя он уже давно все решил... Павел Афанасьевич принимал ограниченный круг людей. Алексей с Варенькой опекали старого холостяка. Как могли они скрасили последние месяцы его жизни. И вот уставшая душа отмучилась... Лыков схоронил учителя на Лазаревском кладбище, рядом с могилой адмирала Мордвинова. Несчастье, хоть и давно ожидаемое, надломило коллежского асессора. Он сильно переживал. Внутри застряла и не хотела выходить ноющая боль. Но Алексей понимал, что долго жить горем нельзя, надо выбирать. Поэтому ответил начальству:

— Петр Николаевич, спасибо за предложение и заботу, но я хочу попросить об обратном. Клины клином вышибают. Нет ли у вас какой лихой командировки, лучше всего к черту на кулички? Чтобы некогда стало скорбью упиваться...

Дурново усмехнулся.

— Как раз такая и есть! Вот, взгляните на это.

И выложил перед собеседником три фотографические карточки.

Лыков взял первую и воскликнул удивленно:

— Это же Большой Сохатый! Кто его так?

На фото было искаженное гримасой лицо мертвого человека. Голова обрита наголо, однако правая сто-

¹Эмеритальные суммы — дополнительная пенсия, складывающаяся из шестипроцентных вычетов из жалованья чиновников и доходов по ним. Выплачивалась при выходе в отставку. (Здесь и далее примеч. автора.)

рона макушки загорелая, а левая нет. Так бывает, если подстричь каторжного... На горле покойника виднелся отчетливый разрез.

— А других не узнаете?

— Ну-ка... Это тоже мой знакомец, Иван Язев по кличке Ваня Прости Господи. Жуткий тип, патологический. Мы его укатали перед коронацией. На каторге должен сидеть, стервец. Горло так же перерезано, чем-то очень острым.

— А третий?

— Третьего не знаю. Ежели по приметам...

Лыков наморщил лоб, вспоминая.

— Левая бровь выше правой... Сильно выступающий козелок уха... Это не Щетинкин?

— Он, — довольно подтвердил директор.

Щетинкин был атаманом шайки налетчиков в Области Войска Донского.

— Вроде бы его в прошлом году тоже поймали?

— Да, все трое, по справке Главного тюремного управления, сидят на Сахалине. Живые и здоровые.

— Хм... А на карточках они не больно живые. Где их сняли?

— Это самое интересное, Алексей Николаевич. Карточки с мертвых сделал наш консул в Нагасаки.

— В Нагасаки? — опешил Лыков. — В Японии?

— Точно так.

— Вот это кульбит! А где? В морге? Не по улицам же валялись там наши головорезы?

— Вы почти в точку. Все три тела нашли на берегу моря. В деле много необычного и даже удивительного. Вот рапорт консула, коллежского советника Костылева, здесь все изложено. Трупы обнаружил его слуга, японец. Он ходил в свою деревню, относил жалованье. Деревня в десяти верстах от Нагасаки. По пути сел передохнуть. На перевернутую лодку... За каким-то чертом

слуга заглянул под нее и обнаружил покойников, зашитых в мешковину. Опешил, а когда понял, что русские, побежал к хозяину.

— А как он догадался, что это наши, а не англичане, к примеру?

— По регалкам¹. Слова были ему незнакомы, но буквы слуга узнал. Так вот. Костылев, светлая голова, захватил с собой переносную камеру и снял лица найденных покойников на карточку. После чего отправился со слугой в полицию. Когда они вместе с нарядом вернулись к лодке, жмуриков там уже не было.

— Все интереснее и интереснее! А дальше? Что же предприняла полиция?

— Ничего. У консула возникло впечатление, что японские власти остались очень недовольны находкой. Глухая стенка — никто ничего не говорит. Вместо полагающегося расследования — волокита. Такая, японская, как только они умеют... Если бы не фотографии, косоглазые вообще отрицали бы весь случай. Теперь отрицать нельзя, но можно закрыть дело. За отсутствием улик. Власти так и поступили. Более того, кто-то разбил негативы Костылева. Ночью прокрался в дом и разнес там все в пух и прах. Но остались вот эти отпечатки, по счастью. Власти ведут себя так, будто им наступили на мозоль. Наши дипломаты и без того живут в Японии в полной изоляции, под лупой у тайной полиции. А стало даже хуже. Министерством рекомендовано консулу все забыть, расспросами никого не донимать. Да, еще деталь: слуга, что нашел трупы, тут же уволился. А затем ни с того ни с сего помер.

Лыков нахмурился.

— Эх, меня бы туда!

¹Регалки — накладки, татуировки.

— Бесполезно. Без содействия властей вы там ничего не сделаете. Языка не знаете, а общество очень закрытое. Искать надо с другого конца. Если вообще искать.

— Простите, ваше... Петр Николаевич?¹

— Ну, формально это дело до нас не относится. Три беглых каторжника обнаружены на Японских островах. Мертвые. Бежали с Сахалина, но в гостях не прижились. Кто-то чиркнул их ножом по горлу. Что с того? Преступление совершено за пределами империи. Убитые были порядочные негодяи. Да и черт бы с ними!

Дурново замолчал, перебирал бумаги на столе. Потом продолжил раздраженно:

— А с другой стороны? Мы тут ловим-ловим всякую нечисть! Вы и такие, как вы, часто рискуете при этом здоровьем и самой жизнью. Затем суд выносит приговор. Общество облегченно вздыхает. Убийцы и разбойники удалены из него навсегда! А потом вдруг те, кому полагается сидеть в вечной каторге, обнаруживаются в Нагасаки. Как так? Сколько это можно терпеть?

— Ладно бы только в Японии, — подхватил Лыков. — Мне пишет Гриневецкий из Варшавского сыскного. Там объявились братья Зембовичи, которых я арестовал девять лет назад. При этом они пустили мне заряд в ключицу и едва не разнесли голову. Получили двадцать лет каторги с навечным поселением в Сибири, но вдруг обнаружили в Варшаве. Лощеные и при больших деньгах. Я за что кровь проливал?

Полицейские помолчали, затем Дурново продолжил:

— Да, вы правильно меня понимаете. Тем лучше. Я решил не оставлять японской находки без последствий. Очевидно, что существует целый промысел по

¹ Дурново любил, чтобы к нему обращались по имени и отчеству.

переброске наших беглых на острова. Что там с ними происходит дальше — другой вопрос. Да и разбираться с этим тамошние власти нам не дадут. А вот сахалинский конец... Он-то у нас в руках!

— Обратите внимание, Петр Николаевич: все трое — «иваны». Двух из них я встречал — калиброванные ребята! Да и Щетинкин — зверь им под стать... Ясно, что бежит самый цвет. Мне еще в Нижнем Новгороде говорили об этом.

— О чем «об этом»? — насторожился Дурново.

— Один знающий человек по фамилии Ратманов однажды обмолвился. Сейчас его уже нет в живых... Тогда, десять лет назад, он сказал: на запад бежит всякая шушера. Умные люди, знатные уголовные, каким-то образом уходят на восток.

— Каким-то образом... — вздохнул тайный советник. — А у Галкина-Врасского¹ все в порядке! Три покойника, найденные под лодкой в Нагасаки, числятся на Сахалине. Двое сидят в Воеводской тюрьме, один в Рыковской. Алексей Николаевич, объясните мне, как такое возможно? Вы же бывали там изнутри, по делам службы. Как крупные уголовные, известные в лицо и зрителю, и всему караулу, могут сбежать? Так, чтобы вышестоящее начальство об этом не узнало! Как? Не понимаю!

— Эх... До Сахалина одиннадцать тысяч верст. Михаил Николаевич судит о том, что там творится, по отчетам. А их пишут малограмотные писари... Это же край света! Остров, изолированный от всего мира, и на нем шесть тысяч каторжных. Государство!

— Ну и что? Есть начальство. Есть обязанности службы, которые нельзя не выполнять!

¹ Галкин-Врасский М. Н. — в то время начальник Главного тюремного управления.